

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия

УДК 94(571)+930(091)

doi: 10.17223/19988613/83/26

**Воспоминания известных ученых как исторический источник.
Рецензия: Черемисина М.И. Мои воспоминания / ред.-сост. А.А. Озонова,
Е.В. Шиплюк; Рос акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии.
Новосибирск: СО РАН, 2020. 493 с.**

Галина Михайловна Запорожченко

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, galinakoop@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена анализу мемуарно-автобиографического произведения выдающегося новосибирского ученого-лингвиста. Монографии присуще сочетание мемуарного начала с аналитическим подведением итогов развития науки. Указывается на значение рецензируемой книги как исторического источника для изучения узловых моментов истории страны, гендерного аспекта служения науке, развития гуманитарных научных школ в Сибирском отделении СО АН СССР / РАН.

Ключевые слова: мемуары, исторический источник, лингвистика, научная школа, М.И. Черемисина

Для цитирования: Запорожченко Г.Н. Воспоминания известных ученых как исторический источник. Рецензия: Черемисина М.И. Мои воспоминания / ред.-сост. А.А. Озонова, Е.В. Шиплюк; Рос акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: СО РАН, 2020. 493 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 199–204. doi: 10.17223/19988613/83/26

Review

**Memoirs of famous scientists as a historical source. Review: Cheremisina M.I.
My memoirs / ed.-comp. A.A. Ozonova, E.V. Shipluk; Russian Academy of Sciences,
Sib. department, Institute of Philology. Novosibirsk: SB RAS, 2020. 493 p.**

Galina M. Zaporozhchenko

*Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, galinakoop@yandex.ru*

Abstract. The publication is devoted to the analysis of M.I. Cheremisina's memoir and autobiographical work «My Memories», published in 2020. Maya Ivanovna Cheremisina (1924-2013, nee Karpova) is an outstanding Soviet and Russian linguist, specialist in the study of indigenous languages of the peoples of Siberia, founder of the Novosibirsk Syntactic School, Doctor of Philology, professor Novosibirsk State University, Chief Researcher of the Institute of Philology SB RAS, Honored Scientist of the Russian Federation.

The monograph is characterized by a combination of a memoir beginning with an analytical summing up of the development of science. The author describes her childhood in Kiev in the second half of the 1920s and early 1930s in a professorial family with Belgian and German roots De Metz and Kraft. The intelligentsia at that time found it difficult to find work and livelihood, there was a suspicious attitude on the part of the Soviet government because of non-proletarian origin and relatives abroad. The move to Moscow coincided with the general improvement of conditions in the mid-1930s in major cities of the country. The Soviet realities of that time are described: attachment to workplaces before the war, the ruralization of cities, the poor life of working families, the difficult situation in the countryside, the widespread celebration in 1937 of the 100th anniversary of the death of A.S. Pushkin, hunger and deprivation during the war, evacuation to Tashkent. Attention is drawn to the sociocultural split of society, skepticism among the people in relation to the intelligentsia, the low level of education in pre-war Moscow. Specialists in the history of science from a gender

perspective will be interested in the fate of M.I. Cheremisina as an example of the realization of intellectual potential by a woman scientist in the conditions of a modern, but at the same time repressive and stingy state, with traditional family way of life. While raising three children, M.I. Cheremisina worked hard at science. She taught at universities of Tomsk and Tula. Since 1965, in Novosibirsk Akademgorodok, she turned to a new direction of mathematical linguistics, organized innovative fruitful work on the study of the languages of the indigenous peoples of Siberia. The monograph is a valuable historical source for detailing the nodal moments of the country's history, studying the evolution of the gender aspect of science in the process of implementing the project of creating the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the development of humanitarian scientific schools in Siberia.

Keywords: memoirs, historical source, linguistics, scientific school, M.I. Cheremisina

For citation: Zaporozhchenko, G.M. (2023) Memoirs of famous scientists as a historical source. Review: Cheremisina M.I. My memoirs / ed.-comp. A.A. Ozonova, E.V. Shiplyuk; Russian Academy of Sciences, Sib. department, Institute of Philology. Novosibirsk: SB RAS, 2020. 493 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 199–204. doi: 10.17223/19988613/83/26

Расцвет мемуаристики в последние десятилетия, справедливо отмеченный исследователями как «мемуарный взрыв» [1. С. 205], происходит одновременно с развертыванием мемориальной парадигмы в общем контексте обновления современного гуманитарного знания на рубеже XX и XXI вв. Парадигма памяти позволяет углублять перспективу понимания прошлого, делать прошлое ближе для современного человека, не лишая его при этом инаковости и сложности, не упуская морально-этическую составляющую историописания [2. С. 9, 14]. Особенно примечательно, что постоянно расширяется корпус воспоминаний видных ученых, поскольку мир научной элиты представляет собой наивысшую интеллектуальную научную деятельность, приносящую человечеству наиболее ценные плоды познания по усовершенствованию действительности [3. С. 178].

В 2020 г. вышла в свет монография М.И. Черемисиной «Мои воспоминания». Майя Ивановна Черемисина (1924–2013) – выдающийся советский и российский лингвист, специалист в области изучения языков коренных народов Сибири, основатель новосибирской синтаксической школы, доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Монография опубликована благодаря энтузиазму и кропотливой текстологической работе редакторов-составителей А.А. Озоновой и Е.В. Шиплюк¹, учеников и коллег по выбору наиболее полных вариантов воспоминаний Майи Ивановны, которые они уточнили и дополнили комментариями, опираясь на семейный архив. В результате мемуарные тексты охватили почти весь период жизни ученого до 2003 г. Книга состоит из 12 глав и двух приложений. Составители оправданно включили разделы с основными датами жизни, родословной, фотографиями, рисунками и стихами мемуаристки, что расширяет представления о ее личности. Издание предваряет краткий вступительный очерк доктора филологических наук, профессора Н.Б. Кошкаревой, которая охарактеризовала основные этапы жизни и значимость научного вклада М.И. Черемисиной.

Следует напомнить о том, что монография М.И. Черемисиной издана через 13 лет после публикации книги «Моя жизнь. Воспоминания и размышления» ее родной младшей сестры – академика Т.И. Заславской, выдаю-

щегося советского и российского социолога и экономиста. Татьяна Ивановна посвятила свой труд «дорогой сестре Майе» [4]. В семье М.И. Черемисиной и Т.И. Заславской (в девичестве Карповых) придавалось большое значение сохранению архивов – писем, дневников, заметок, документов. Письма писали подробные, копии оставляли для себя. Все это с годами целенаправленно систематизировалось для того, чтобы «сделать интересным и доступным детям и внукам» [4. С. 95]. В настоящее время архив сестер Карповых размещен в сети Интернет в Открытом архиве СО РАН [5].

Два названных мемуарных текста видных представителей советской и российской науки опаленного войной поколения шестидесятников формируют богатый содержанием нарративный перекресток, где с разных, но в то же время близких точек зрения представлены личная история и история нескольких поколений одной семьи на фоне основных событий жизни общества. Безусловно, эти замечательные публикации интересны не только внукам своих знаменитых бабушек, но и всем читателям, и стали бестселлерами в научной среде. Подчеркивая их библиографическую значимость, нельзя не заметить, что каждая из книг уникальна, как бы близки по духу ни были их авторы – сестры Карповы. Оба произведения отличаются сугубой обстоятельностью, глубоким анализом мемуаристками своего внутреннего мира и сфер своего профессионального интереса, опираются на эго-документы разных периодов жизни в стремлении к максимальной достоверности. Воспоминания Майи Ивановны, кроме того, волнуют читателя некоей трепещущей эмоциональностью, обостренным любопытством к тайнам становления собственной личности и факторам, позволившим ей выжить и состояться, а также яркой художественной выразительностью. Так, при чтении глав о киевском периоде на ум приходит аналогия с набоковской ностальгией по утраченному петербургскому детству. Размышления о любви и счастье, подобно шекспировским строфам, рождают ощущение трагической неправды бытия. Это поистине автобиографическая драма, даже роман.

Первые главы монографии М.И. Черемисиной описывают родных и детство в Киеве во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., где реликт старого мира оставался естественным образом жизни юных сестер Карповых. В родословной соединились две линии. Отец Иван Васильевич Карпов – впоследствии про-

фессор Московского педагогического института иностранных языков им. М. Тореза, «выдвиженец» из среды старообрядцев-раскольников, очень жесткий: фундамент его личности был «от Аввакума» [6. С. 55]. Мать Татьяна Георгиевна де Метц – дочь крупного ученого-физика, признанного главы киевской «консервативной профессуры» Георгия Георгиевича де Метца (бельгийская фамилия) и Сарры Карловны Крафт из немецких переселенцев екатерининских времен [6. С. 10]. «Мы росли, формировались и очеловечивались в семье деда. Нам исключительно повезло, – писала М.И. Черемисина. – Они, конечно, считали себя русскими, но прежде всего европейцами» [6. С. 69, 73].

В доме разговаривали на трех языках: русском, французском, немецком, и Майя научилась писать по-немецки раньше, чем по-русски. Фундаментом воспитания было чтение – доступное, понятное, гуманное. Майя Ивановна высоко оценивала старые детские журналы конца XIX – начала XX в. «Всходы» и «Игрушечка», ведь хороших книг для детей в 1920-е гг. почти не издавалось [6. С. 10, 139]. Детство протекало счастливо и безмятежно. Дедушка Жорж «был ученым по самой своей природе, руководителем коллектива, но главное – он был *человеком*... пользовался безоговорочным, безусловным уважением окружающих». М.И. Черемисина вспоминала случай уже после его смерти: «Мой собеседник встал и с замиранием в голосе сказал: “Как? Вы – внучка Георгия Георгиевича де Метца?!” И мне, девчонке, поцеловал руку» [6. С. 69–70]. Бабушка Сарра являла собой тип профессорской жены, интересующий сегодня исследователей антропологии академической жизни [7]. Она в течение многих лет деятельно и профессионально помогала мужу издавать научный журнал, сама нигде не служа. На ней держался дом, она воспитывала внушек, разумно тратила профессорский заработок, поддерживая привычный уклад жизни – белье с монограммой, большой обеденный стол, суп в супнице, котлеты на блюде, семейные концерты у беккеровского рояля [6. С. 49–50].

Поколения дореволюционной интеллигенции в первые десятилетия советской власти с трудом адаптировались к новым обстоятельствам, горячке индустриализации, находясь под подозрением из-за непролетарского происхождения, родственников за границей. Вторая бабушка Нина Карловна Крафт, выпускница Института благородных девиц в Одессе, едва зарабатывала уроками иностранных языков. Таланты матери – красивой и умной, знавшей три языка, с музыкальным образованием, воспитанной в культуре «серебряного века», и отца с философским университетским образованием «не находили применения в этом обществе социализма... В течение всей “до-войны” и отец, и мать мучительно искали работу, которая позволила бы не то, что “жить”, а хотя бы выбраться из нищеты», – пишет М.И. Черемисина [6. С. 67]. Перед войной мама поступила в Институт иностранных языков, но введение в 1940 г. оплаты за обучение обрушило все надежды [6. С. 209].

Из киевского детства Майе запомнилось подробно, как сгорели у бабушки Нины деньги в Торгсине, и какие там покупали зубные щетки, мыло и грелки. А конфе-

ты в магазине у нэпмана были столь разноцветными и яркими в отличие от обычных слипшихся подушечек, что Майя вдруг поняла, что такое цвет и начала рисовать [6. С. 44–45]. Одна из ее прекрасных акварелей вынесена на обложку «Моих воспоминаний». Зарождалось понимание, что не все люди вокруг живут так же хорошо, как в профессорском доме: «...неблагополучие было совсем близко» [6. С. 103]. В связи с этим приводится воспоминание о том, как в трамвае толпа поймала людоеда: «Это было во время дикого голода на Украине. “Сталинского голода”, о котором не говорили» [6. С. 104].

В поисках работы семья Карповых переехала в Москву, где жила на Пятницкой. Уже с зимы 1934 г. «повеяло улучшением жизни». Конечно, улучшение шло от очень низкого уровня – и то, вероятно, в одной Москве [6. С. 145]. В 1936 г. «началась какая-то оттепель». Разрешили празднование Нового года, вместо карточек и распределителей возникло множество магазинчиков. Появились самопишущие ручки! «А в кондитерской и сейчас нет того, что было тогда – какие там были пирожные, мармелад, помадки... А мясной магазин!.. Нам в школу давались бутерброды с маслом и колбасой на белой булочке за 36 копеек... Слава тебе, Микоян!.. Ну конечно, это была Москва. Только одна Москва» [6. С. 165–166].

Жизнь семьи и родни Карповых отражала мозаику советских реалий: закрепление рабочей силы перед войной, рурализацию городов. Многие женщины из подмосковных деревень работали на ткацкой фабрике, в страдную пору уволиться по закону предвоенного времени не могли, «а в деревне семьи, старики да малые, вот бабы и побежали». Кого ловил участковый, сажали в тюрьму, но бабы хвалили тюремную жизнь: работа по силам, кормят сытно [6. С. 57–58]. О более сносной жизни в тюрьме по сравнению с жизнью деревенской вспоминала и другая родственница, пострадавшая за то, что спрятала несколько колхозных морковок за пазуху [4. С. 366]. Рабочие семьи – «народ озорной, ненадежный и какой-то неблагополучный» – ютились в развалах, жили очень бедно [6. С. 202–203]. Образование не являлось ценностью для большинства одноклассников: учились тогда совсем недолго, из десяти начальных классов к девятому классу оставалось всего два [6. С. 157, 203]. Во дворе слово «интеллигенция» считалось презрительным: «Фу-ты, ну-ты, антилигенция!» [6. С. 187]. В школе явно наблюдалось социальное расслоение на простых и «шишек» [6. С. 157, 216]. События и приметы времени способствовали постижению Майей противоречий исторической эпохи: провидчески тяжелая реакция матери на убийство С.М. Кирова; ликование при встрече челюскинцев; широкое празднование в 1937 г. столетия смерти А.С. Пушкина, когда 37-й еще не приобрел своего особого смысла; шепот родни об угрозе ареста отца; «царапавшие полудетское сознание» разговоры в компании ровесников о «не таком уж добром отце народов» [6. С. 143, 171, 181, 206].

1941 год взорвался войной. В первую же бомбежку Москвы убило маму. Ночь, проведенную у гроба матери под грохот взрывов и вой зениток, Майя Иванов-

на назвала «вишневой косточкой своей личности». Весь запас чувства страха изжила в те часы: «В моей душе тогда проходила такая огромная для почти ребенка работа, что страху в душе просто физически не осталось места» [8. Л. 14]. Полные драматизма описания эвакуации в Ташкент, последующих скитаний в Москве, уже без прописки и, следовательно, без хлебных карточек, содержат репрезентативную информацию по истории военного быта. Невзирая на лишения и последствия голода (цинга, бессонница), все военные и послевоенные годы Майя работала, где только могла устроиться, чтобы прокормить себя (на уборке хлопка, в геодезической партии, трактористом, воспитательницей, библиотекарем), и училась. Сначала выбрала горный факультет в Ташкенте: «Он считался трудным и не женским, может, это меня и пленило» [6. С. 235]. Когда в Ташкент в эвакуацию «нагрнула из обеих столиц гуманитарная интеллигенция и в Среднеазиатском государственном университете открылся филологический факультет», поняла, что ее место там [6. С. 180]. После возвращения в Москву перешла на отделение русского языка. В 1950 г. окончила аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В.П. Потемкина.

Первым местом работы по специальности был Томск, где муж Майи Ивановны П.Г. Черемисин заведовал кафедрой иностранных языков, – всегда хотела поехать в Сибирь! В 1950 г. в Томском государственном педагогическом институте она вела семинары по лекционному курсу «Введение в языкознание» профессора А.П. Дульзона. В 1951–1965 гг. работала на кафедре русского языка Тульского государственного пединститута. В 1955–1956 гг. являлась советником кафедры лексики Института русского языка Китайской Народной Республики. Совершенно новые перспективы в жизни открыл переезд в 1965 г. в новосибирский Академгородок, полюбившийся с первых дней.

В течение более 40 лет работы в Новосибирском научном центре СО РАН М.И. Черемисина заведовала сектором языков народов Сибири в Институте истории, филологии и философии, преподавала в Новосибирском университете (сначала на отделении математической лингвистики, а после его закрытия – на отделении филологии). В 1994 г. стала первой заведующей созданной по ее инициативе кафедры языков и фольклора народов Сибири, где продолжала работать до смерти. Как «мыслитель общелингвистического масштаба» [9. С. 3] создала новое научное направление – Новосибирскую синтаксическую школу.

Специалистам по истории науки в гендерном аспекте [10] будет интересна судьба М.И. Черемисиной как пример реализации женщиной интеллектуального потенциала в условиях современного, но одновременно репрессивного и скупого государства, доминирования традиционного семейного уклада. Майя Ивановна подчеркивала, что занятие наукой было всегда «отдушиной, радостью и спасением» [6. С. 406]. В самые голодные, страшные военные годы изнуренную голодом и тяжелейшими подработками молодую девушку никогда не посещала «такая до смешного простая мысль» – просто бросить учебу, поступить на работу,

зарабатывать деньги, быть всегда сытой: «Даже в самые критические моменты этой альтернативы для меня просто не существовало... Желание учиться было сильнее всех преходящих желаний» [6. С. 340]. Позднее в Туле, едва справляясь с семейными хлопотами и тремя маленькими детьми в отсутствие надежных помощников, она штудировала свежие публикации, сознавая, что в лингвистической науке наступила новая эра: «Чтобы следить за тем, что происходило тогда в науке, нужно было много сил и упорства. Необходимо было смотреть гораздо шире того, чему нас учили... Нужно было прогрызть, плакать, но грызть новые книги с массой пугающих терминов» [6. С. 397].

Привычная гендерная нормативность была мало совместима с научными занятиями женщин. Одной из причин конфликта с мужем Майя Ивановна считала «слишком разные глубинные ценности» [6. С. 379] и то, что «она, к сожалению, оказалась гораздо сильнее его» [6. С. 407]. Он не интересовался новыми направлениями, не ездил в Ленинку, не читал диссертаций, был хорошим преподавателем, его любили студенты, но исследователем он не был [6. С. 401]. «Муж не захотел или не смог принять равноправия и свободы в отношении со мной... Он любил меня... но не мог понять, что внутренняя свобода мне гораздо острее необходима, чем семья во главе с хозяином-мужем... Постепенно незаметное, почти игрушечное неравенство начало мне сдавливать горло, и тогда я стала это осознавать через поступки, которые были своего рода бунтом» [6. С. 406], – писала Майя Ивановна. Когда, наконец, опоздав из-за бытовых испытаний на 10 лет, она вышла на защиту, то радовалась, что «пойдет большая зарплата и можно будет жить совсем хорошо» [6. С. 391]. Ведь наука была не только любимым делом, но и средством к существованию.

Последние главы посвящены подведению итогов научно-исследовательской и научно-организационной деятельности. В Академгородке Майе Ивановне изначально было тесно в рамках традиционной русистики, и она смело («У меня был врожденный недостаток – я не умела бояться» [6. С. 414]) обратилась к новому направлению – математической лингвистике. В сотрудничестве с самой первой в Сибири Томской сибиреведческой научной школой Майя Ивановна со свойственной ей языковой интуицией организовала новаторскую плодотворную работу по изучению языков коренных народов Сибири [6. С. 418]. Во всех названных областях языкознания она добилась фундаментальных результатов, отраженных в более чем 300 трудах. Под научным руководством М.И. Черемисиной защищено 50 кандидатских и семь докторских диссертаций.

В приложении составители поместили две статьи из научного архива М.И. Черемисиной: «Новосибирская лингвистическая сибиреведческая школа» и «О деятельности кафедры языков и фольклора народов Сибири Новосибирского госуниверситета», имеющие основополагающее историографическое значение для характеристики гуманитарных научных школ в СО РАН. Немало теплых слов посвятила Майя Ивановна своим коллегам А.П. Дульзону, В.А. Белошапковой,

Е.И. Убрятовой, М.В. Неделеяеву, В.А. Аврорину, Е.П. Лебедевой, Н.Н. Широковой и др., отдельные очерки – К.А. Тимофееву и А.Б. Соктоеву.

Рассматриваемая монография убеждает в том, что наследие лидеров академической науки выходит за рамки научного вклада. Не менее важна экзистенциальная часть наследия, которая передается в качестве реализованной модели поведения в историческом контексте. Эта сторона наследия раскрывается в персональных биографиях ученых, научных и личных архивах, воспоминаниях. Изучение названных источников реализует современные методологические парадигмы, выраженные в сочетании экстерналистского и интерналистского подходов [11. С. 8] к изучению истории науки через персональные истории ее акторов, когда объектом научной рефлексии становятся духовный мир ученого, опыт его жизни, личностные ценности, представления о смысле научной деятельности. В этом ракурсе монография является ценным историческим источником для детализации узловых моментов исто-

рии страны, изучения эволюции гендерного аспекта служения науке в процессе реализации проекта создания Сибирского отделения АН СССР / РАН, развития гуманитаристики в Сибири.

М.И. Черемисина оставила яркий след в науке и научном сообществе [12]. Л.М. Горелова отмечала: «Майя Ивановна была человеком увлекающимся и способным увлекать людей, – харизматичность ее была удивительна. Она всех вокруг заряжала творческой энергией, и, хотя никогда ни на кого не давила, сила ее убеждения была потрясающая... Она была центром притяжения сибирской (и не только) научной публики» [13. С. 12, 16].

Нет сомнения, что книга ее воспоминаний станет столь же ярким библиографическим событием в научном мире, будет востребована как исторический источник, послужит утверждению общественно значимого глобального тренда усиления влияния гуманитарного образования и гуманитарных наук, гуманизации социально-политического дискурса в целом.

Примечание

¹ А.А. Озонова – кандидат филологических наук, коллега М.И. Черемисиной в Институте филологии СО РАН; Е.В. Шиплюк – внучка М.И. Черемисиной.

Список источников

1. Матханова Н.П. Новый историографический источник: мемуары сибирских историков послевоенного поколения. Рецензия: Зиновьев В.П. Не подводя итогов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 164 с., ил.; Бойко В.П. Воспоминания о селе Богородское и моей жизни. Томск: Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2021. 212 с., ил. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 204–207.
2. Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 6–16.
3. Карабущенко П.Л. Научная элита в контексте ее исторического развития // Вопросы элитологии : философия, культура, политика. Астрахань, 2019. С. 178–188.
4. Заславская Т.И. Избранное. М. : Экономика, 2007. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. 764 с.
5. Савелова О.А., Крайнева И.А. Электронный архив сестер Карповых: история научной династии // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 1–10. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-02.pdf>
6. Черемисина М.И. Мои воспоминания / ред.-сост. А.А. Озонова, Е.В. Шиплюк. Новосибирск: СО РАН, 2020. 439 с.
7. Сидорякина Т.А. Жена профессора как актер субкультуры научного сообщества начала XX века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 3. С. 215–223.
8. Открытый архив СО РАН. Фонд Т.И. Заславской-М.И. Черемисиной. Дневники членов семьи. Дневники М.И. Черемисиной. Записки для потомков. 1976.10. http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshml?id=Xu2_pavl_636941295668285395_1308&cid=Z2_0001_0473
9. Прияткина А.Ф. Черемисинское братство // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Филология. 2004. № 4. С. 3–5.
10. Пушкарева Н.Л. Влияние научных занятий на семейную жизнь женщин-ученых // Традиции, культура и трансформация семейных ценностей. М. : Ритм, 2021. С. 74–82.
11. Крайнева И.А., Куперштох Н.А. Основные подходы к изучению научного наследия выдающихся ученых новосибирского научного центра // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 1. С. 7–13.
12. Чугункова А.Н. Майя Ивановна Черемисина: памяти Учителя // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 3 (27). С. 72–78.
13. Горелова Л.М. Майя Ивановна Черемисина // Предложение как единица языка и речи : материалы Всерос. науч. симпозиума с международным участием, посвящ. 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной. Новосибирск : Академиздат, 2019. С. 12–20.

References

1. Matkhanova, N.P. (2022) The New Historiographical Source: Memoirs of Siberian Historians of the Post-War Generation. Review: Zinoviev V.P. Without Summing Up. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019. 164 p., ill.; Boyko V.P. Memories of the Bogorodskoye Village and My Life. Tomsk: Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 204–207. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/78/26
2. Repina, L.P. (2021) Pamyat' i nasledie v "krestovom pokhode" protiv istorii ili rozhdenie "memorial'noy paradigmy" [Memory and heritage in the "crusade" against history, or the birth of the "memorial paradigm"]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2(71). pp. 6–16.
3. Karabushchenko, P.L. (2019) Nauchnaya elita v kontekste ee istoricheskogo razvitiya [Academic elite in the context of its historical development]. In: *Voprosy elitologii: filosofiya, kul'tura, politika* [Issues of Elitology: Philosophy, Culture, Politics]. Astrakhan: [s.n.]. pp. 178–188.
4. Zaslavskaya, T.I. (2007) *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow: Ekonomika.
5. Savelova, O.A. & Krayneva, I.A. (2021) Elektronnyy arkhiv sester Karpovykh: istoriya nauchnoy dinastii [Electronic Archive of the Karpov Sisters: History of the Scientific Dynasty]. *Istoricheskiy kur'er*. 2(16). pp. 1–10. [Online] Available from: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-02.pdf>
6. Cheremisina, M.I. (2020) *Moi vospominaniya* [My memories]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Sidoryakina, T.A. (2011) Zhena professora kak aktor subkul'tury nauchnogo soobshchestva nachala XX veka [Professor's wife as an actor in the subculture of the scientific community at the beginning of the 20th century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 153(3). pp. 215–223.

8. Open Archive of the SB RAS. (n.d.) *Fond T.I. Zaslavskoy-M.I. Cheremisinoy. Dnevnik chlenov sem'i. Dnevnik M.I. Cheremisinoy. Zapiski dlya potomkov. 1976.10* [The T.I. Zaslavskaya-M.I. Cheremisina Fund. Diaries of family members. Diaries of M.I. Cheremisina. Notes for posterity. 1976.10]. [Online] Available from: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu2_pavl_636941295668285395_1308&eid=Z2_0001_0473
9. Priyatkina, A.F. (2004) Chereminskoe bratstvo [The Cheremisin brotherhood]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser. Filologiya*. 4. pp. 3–5.
10. Pushkareva, N.L. (2021) Vliyanie nauchnykh zanyatiy na semeynuyu zhizn' zhenshin-uchenykh [The influence of scientific studies on the family life of women scientists]. In: *Traditsii, kul'tura i transformatsiya semeynykh tsennostey* [Traditions, Culture and Transformation of Family Values]. Moscow: Ritm. pp. 74–82.
11. Krayneva, I.A. & Kupershtokh, N.A. (2019) Osnovnye podkhody k izucheniyu nauchnogo naslediya vydayushchikhsya uchenykh novosibirskogo nauchnogo tsentra [Basic approaches to the study of the scientific heritage of outstanding scientists of the Novosibirsk Scientific Center]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3(1). pp. 7–13.
12. Chugunekova, A.N. (2020) Maya Ivanovna Cheremisina: pamyati Uchitelya [Maya Ivanovna Cheremisina: In memory of the Teacher]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 3(27). pp. 72–78.
13. Gorelova, L.M. (2019) Maya Ivanovna Cheremisina. *Predlozhenie kak edinitsa yazyka i rechi* [Proposal as a Unit of Language and Speech]. Proc. of the symposium. Novosibirsk: Akademizdat. pp. 12–20.

Сведения об авторе:

Запорожченко Галина Михайловна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: galinakoop@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zaporozhchenko Galina M. – Doctor of Sciences (History), Senior Researcher of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: galinakoop@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 11.01.2023; accepted for publication 22.05.2023